

Из психологической теории права А.С. Яценко берет идею ее автора Л.И. Петражицкого о существовании в психике людей императивно-атрибутивных (повелительно-предоставляющих) переживаний, эмоций и дополняет ее идеей о том, что такие переживания, во-первых, совпадают в психике участников правоотношений, причем одна сторона переживает сознание обязанности, а другая – правомочия; во-вторых, такая психическая связь «право-обязанность» возникает и характеризует изначально нравственную связь между взаимодействующими сторонами, а для того, чтобы данные отношения приобрели правовой характер, необходимо наличие у третьих лиц переживаний по поводу принудительного содействия выполнению норм права [8, л. 176–177]. У Л.И. Петражицкого таким третьим лицом, заинтересованным в реализации императивно-атрибутивных эмоций, является государство, а их совокупность именуется официальным правом. А.С. Яценко же последовательно отрицает этатистский подход к праву и поэтому к таким «третьим лицам» относит созданные в обществе легитимные учреждения, деятельность которых направлена на организованное принуждение.

Определение. Право есть совокупность действующих в обществе вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага [8, л. 183].

Выводы. Синтетическая теория права А.С. Яценко создавалась прежде всего как попытка преодолеть противоречия нормативистского и естественно-правового типов правопонимания. К ней была также «присинтезирована» идея психологической теории права Л.И. Петражицкого о праве как совокупности императивно-атрибутивных эмоций, возникающих в психике человека. В качестве методологической основы была избрана религиозно-нравственная философия В.С. Соловьева. Там же были позаимствованы ценностные основания – построение идеального человеческого общежития, идеи всеединства, гармонии, взаимосвязи нравственности и права. Их достижение возможно путем реализации во всех сферах бытия (общество, нравственность, право) идеи равновесия, гармонии, баланса интересов личности и общества. Нормативизм и естественно-правовой тип правопонимания А.С. Яценко примиряет через формулу «право – принудительный минимум нравственности». В итоге он определяет право как совокупность действующих в обществе вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага.

1. Палеха Р.Р., Ситникова Е.Л. Первые интегративные теории правопонимания в российской и зарубежной юридической науке // Вестн. ВГУ. 2018. № 1. С. 37–47.
2. Вишневецкий А.Ф. Доктринальные и практические противоречия в обосновании интегративной концепции права // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск : Акад. МВД, 2017. С. 25–39.
3. Мартышин О.В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.
4. Сырых В.М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журн. рос. права. 2016. № 1. С. 75–89.
5. Кравченко А.Е. Синтетическая теория права и государства А.С. Яценко : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. Белгород, 2018. 23 с.
6. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М. : Рос. акад. правосудия, 2012. 577 с.
7. Гараева Г.Ф., Корнев В.Н. Особенности синтетического подхода А.С. Яценко к определению права [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2017.11.18> (дата обращения: 05.01.2019).
8. Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства : диссертация. Юрьев, 1912. – 841 л.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 47–548.
10. Стомба А.В. Динамическое правопонимание // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск : Акад. МВД, 2017. С. 239–247.

УДК 340.1

Л.В. Голоскоков, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО С ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Современное динамичное развитие технологий ставит перед человеком множество новых задач большой сложности. Технологии внедряются быстро и ставят человека подчас в совершенно зависимое положение, от которого он иногда не может избавиться. Так, мы можем наблюдать, что множество людей вместо того, чтобы на остановке выйти из транспортного средства, смотрят в свои гаджеты и не видят ничего вокруг, и это создает опасность для них самих, для окружающих, а также и для всего общества, которое все больше состоит из людей, ушедших из реального мира в виртуальное пространство, управляемое людьми и структурами, цели и задачи которых тщательно скрыты от взгляда человека, который уставился в экран своего гаджета.

В рассмотренной ситуации есть и свои плюсы, если мы будем говорить о возрастающей плотности взаимодействия граждан в сетях, новых возможностях создания сообществ, проявлениях гражданской инициативы, отслеживании важных событий, обсуждении их и мгновенном воздействии на какие-то высказывания должностных лиц, получении от властей соответствующей реакции. Один из самых свежих и действенных примеров работы социальных сетей мы видели в том, что при появлении разговоров в СМИ о возможной передаче Японии части Курильских островов социальные сети ответили достаточно быстрой и мощной реакцией, которая была зафиксирована властями и учтена в их последующей риторике. Таким образом, цифровые технологии несут в себе как очевидные плюсы, так и свои минусы. Возможно, это происходит в полном (или неполном – это вопрос) соответствии с законами философии, скажем, законом борьбы и единства противоположностей, когда в одном явлении присутствует сразу две компоненты – позитивная и негативная, и при этом хорошо бы ответить на вопрос о том, как получить позитивную компоненту и если не совсем исключить, то хотя бы минимизировать компоненту негативную.

Если вдуматься в суть данного закона, плюсов и минусов должно быть равное количество, но тогда возникает вопрос: какой смысл внедрять любые новшества, если за этим последуют негативные последствия? Возможно, этой частью ответа всегда и руководствовались те, кого мы называем ретроgrадами. Чеховский герой говорил: «Как бы чего не вышло!». И поэтому лучше ничего не делать, тогда будет меньше рисков. Однако риски имманентно включены в любое движение и развитие, и поэтому появилась наука управления рисками, чтобы на научной основе минимизировать последствия управленческих действий в праве, экономике, финансах и других сферах.

Полагаем, что частичное решение этой проблемы может быть найдено в методе внедрения новых технологий, но при этом нужно понимать, что это частичное решение с отложенными последствиями, которые когда-то все-таки надо будет устранять. Дело в том, что если видеть логику данного закона философии в чистом виде, то любая новация будет содержать в себе половину плюсов и половину минусов, и тогда ее не следует внедрять, потому что от этого не будет никакой пользы. Но это если мы мыслим в рамках диалектики, двоичной картины мира, которая предусматривает наличие двух противоположностей в любом явлении. Однако явления происходят еще и во времени, которое добавляет в диалектику третью компоненту и превращает ее в триалектику, в которой в качестве третьей компоненты можно увидеть время.

Время позволяет отсрочить наступление негативной стороны любого явления, если распределить появление во времени сначала позитив-

ного и лишь потом негативного проявления новации. Но точно так же возможно и обратное действие: сначала негативное, а потом, возможно, при каких-то условиях – позитивное. В условиях цифровой экономики все это также возможно, и есть наиболее свежий пример такого подхода. В России введен, хотя пока в порядке эксперимента в нескольких регионах, налог на самозанятых в весьма льготном порядке. Смысл новации состоит в том, что самозанятые должны понять, что предложенная им ставка налога очень выгодна по сравнению с действующей для других субъектов и поэтому есть смысл выйти из тени путем регистрации. Ясно, что государство рассчитывает, что, когда все выйдут из тени, через непродолжительное время ставка налога будет поднята, и вот только тогда могут проявиться негативные последствия для тех видов бизнеса и их хозяев, которые в текущей экономической ситуации окажутся неспособными выжить. Для какого-то количества предпринимателей это будет плохо, но это будет потом, а пока государство соберет информацию о вышедших из тени и далее будет следить, чтобы они снова не ушли в тень. Это и нужно государству.

В итоге этот метод можно охарактеризовать как метод прорыва сквозь время и ухода вперед опережающим способом, при котором негативный эффект новации отсрочен во времени и есть временной лаг для решения проблемы, которое, возможно, будет найдено снова с помощью этого метода или же как-то иначе, но потом. В части же развития государства, строящего цифровую экономику, трудно представить всю гамму рисков и совокупность их последствий при одновременном проявлении всех рисков, а именно так и нужно прогнозировать ситуацию – по худшему сценарию.

Риски для человека и государства с цифровой экономикой в таком случае имеют следующий очевидный список.

Отсутствие национального «софта» и «железа» предполагает наличие у наших так называемых партнеров, владеющих и тем и другим, возможности в любой момент разом выключить всю систему электронных и цифровых связей в зависимой от этих позиций стране, а такими странами являются почти все, включая Россию. Производители того и другого являются в основном США.

Не менее опасный вариант – когда они могут и не выключить все разом, а продолжать нести через сети свой контент, начиненный медленно действующим ядом для нравственных, культурных, ценностных оснований государства и человека, а также снимать всю информацию со всех устройств.

Ныне действующий вариант, который «партнеры» не собираются прекращать: сетевая, цифровая и электронная системы продолжают служить глобальной структурой, обеспечивающей перекачку в нужные

места валюты от продажи наркотиков, оружия и иной преступной деятельности. Здесь наблюдается эффект сложения сетей, когда преступная сеть наркобизнеса складывается с финансовой сетью и вместе они представляют собой инструмент для сбора и переправки валюты наркомафии, и это все – тоже цифровые технологии в действии, параллельно с сетями коридоров доставки наличных денег, по которым, вероятно, проходит существенно меньшая часть расчетов за наркотики в силу отсутствия в такой старомодной сети скорости, возможности передавать большие объемы денег и наличия рисков транспортировки внутри страны и через границы, где приходится преодолевать сопротивление многочисленных спецслужб разных государств.

Только что появившиеся в России риски именно цифровых технологий, когда мошенники освоили звонки якобы с телефонов Сбербанка и от имени служб безопасности банка получают у доверчивых граждан пароли и похищают деньги. Здесь мошенники опережают мышление законопослушных граждан, сотрудников технических отделов банков и других специалистов. Такое опережение мошенники проявляют всегда и всюду: они думают и действуют быстрее, опережая всех во времени на месяцы и годы, и пока специалисты найдут технологии противодействия, пройдет много времени, и тогда они придумают что-то новое и снова уйдут в отрыв. Технологии мошенничества изменились под стать цифровым – они стали столь же быстрыми и эффективными.

Цифровые деньги стали похищать и совершенно новыми, цифровыми же способами, когда сама валюта стала полностью цифровой и отсутствует в каком-то бумажном или металлическом виде. Это цифровые валюты (криптовалюты), создатели которых уже спровоцировали закрытие многих бирж, созданных для привлечения и торговли такими валютами, что привело к потере денег теми, кто доверился новомодным веяниям – биткоину и другим криптовалютам. Кроме того, криптовалюты включились дополнительным контуром в обслуживание теневого бизнеса, наркотрафика и прочей преступной деятельности. Если в США и Канаде сделали попытку собирать с оборота криптовалют налоги, то Центральный банк России лишь констатировал, что, «учитывая высокие риски обращения и использования криптовалют, Банк России считает преждевременным допуск криптовалют, а также любых финансовых инструментов, номинированных или связанных с криптовалютами, к обращению и использованию на организованных торгах и в расчетно-клиринговой инфраструктуре на территории Российской Федерации для обслуживания сделок с криптовалютами и производными финансовыми инструментами на них» [1]. Пока Банк России так считает, в других странах берут налоги с оборота криптовалют. Минфин РФ только 8 ноября 2018 г. в своем письме разъяснил,

что нет оснований для того, чтобы не платить налоги с оборота криптовалют [2]. Оснований нет, но и механизмов сбора налогов со столь сложного цифрового объекта не предложено. Позицию Центрального банка России и Минфина РФ можно назвать, если предельно мягко, абсолютно пассивной: первый говорит, что это опасно, второй – что налоги надо платить. Это слова, которые могли бы написать даже школьники старших классов. Где цифровые механизмы мониторинга за оборотом криптовалют и автоматического (цифрового, электронного) привлечения к уплате налогов с операций с криптовалютами? Здесь снова использован упомянутый нами фактор времени, но в деструктивных целях организаторов криптовалют и их подлинных хозяев: пока Центральный банк и Минфин РФ сочиняют умные письма начиная с 2014 г. [3], налоги прошли мимо них, тысячи наших граждан потеряли свои деньги, которые, превратившись в одну из свободно конвертируемых валют, скорее всего доллар или евро, осели на нужных счетах за рубежом. Это и есть цифровые технологии, но по западному сценарию. В России же есть Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [4]. По факту все оказалось предельно просто – в России есть программа цифровой экономики, а на Западе давно лежат российские деньги от действия зарубежной цифровой экономики, которая также получила российские капиталы за прошедшие 30 лет на триллионы долларов и многими другими способами, и эта экономика играет на опережение, используя все тот же фактор времени. У простого человека России эти вывезенные триллионы долларов были отняты и переправлены в западные банки именно с помощью цифровых технологий, но не наших, а западных. Разумеется, какая-то небольшая часть денег, особенно 20–30 лет назад, вывозилась и в чемоданах, наличкой, но все же основная масса денег была вывезена с помощью цифровых технологий – банковских электронных переводов. Это и есть триалектика в действии с ее фактором времени! Одни пишут программы, другие – богатеют. В таком ключе также следует посмотреть на российскую программу цифровой экономики, которая появилась только в 2017 г. Ее будущий успех следует соизмерять с общим объемом утечки капитала, которая произойдет на условную дату окончания программы.

Список рисков можно продолжать еще долго в его очевидной части, в плохо видимой части, но он также будет весьма грозным в совсем невидимой части, которую еще предстоит идентифицировать и описать.

Следует показать ту часть списка рисков, которая совсем не описана в программе «Цифровая экономика Российской Федерации». Так, в ней показаны только следующие риски: «риски и угрозы информационной безопасности существующих стандартов обработки массивов больших данных» (разд. 5 «Информационная безопасность», п. 5.3.3.),

«риски и угрозы информационной безопасности существующих стандартов межмашинного взаимодействия для киберфизических систем» (разд. 5 «Информационная безопасность», п. 5.6.1.), «риски информационной безопасности при интеграции в международную цифровую экономику, их текущие и целевые значения» (разд. 5 «Информационная безопасность», п. 5.11.7.) и подобные им. Все это правильно и хорошо. Но есть риски более высокого порядка, и они не являются техническими, технологическими, цифровыми или электронными, а происходят из природы человека, которая не меняется так быстро, как технологии, они происходят из устройства социальной общности, которое не меняется со скоростью смены технологий.

Итак, целями программы «Цифровая экономика Российской Федерации» являются создание экосистемы цифровой экономики, создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, повышение конкурентоспособности на глобальном рынке. В программе есть отсылки к целям Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [5], таким как развитие человеческого потенциала; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления и другие подобные. Многие позиции программы уже реализованы в таких подпрограммах, как концепция «Умный город» и других, что, безусловно, положительно.

В плане получения многочисленных удобств благодаря работе цифровых платформ, электронных услуг человек, конечно, получает определенные блага, список их растет, и с большой вероятностью они будут реализованы. Все правильно обозначено в целях и задачах, за исключением главного: что получит конкретный простой человек от реализации всех цифровых новаций и станет ли он лучше жить в экономическом смысле? Представляется, что авторы программ и стратегий ответы на эти вопросы получать не хотят, потому что они могут быть не всегда положительными, ибо в частностях и технических мелочах успех будет, а в целом – нет. Чтобы они были положительными, нужно проделать колоссальную работу по многим направлениям, но ее никто не намечает, потому что это затронет основы существующего строя (капиталистического).

В этой точке рассуждений необходимо вспомнить, что в развитии сложных систем (биологических, социальных) отсутствуют такие траектории, как прямолинейные, они встречаются исключительно редко в живой природе и только при каких-то весьма ограниченных условиях. Но программа «Цифровая экономика Российской Федерации» написа-

на так, что по умолчанию предполагается, что все будет идти как намечено, все так же на 40 % ежегодно будет расти рынок «облачных» услуг. Это ложные представления о реальности, предполагающие линейный характер развития, и многие рассматриваемые программой процессы, несомненно, быстро завершат свою линейную часть роста, начнут развиваться по иным траекториям и не обязательно – роста.

Другие процессы разворачиваются относительно медленно, но и они имеют свои сложные траектории, которые мы привыкли считать линейными и которые, как мы наивно полагаем, будут продолжаться так же, как сейчас. Мы здесь имеем в виду парадигму, которая принята в России и считается неизменной и незаменимой, – парадигму рынка, экономической свободы, либерализма. Однако есть предвестники, указывающие, что эпоха правого либерального проекта заканчивается и капитализм, который в Конституции Российской Федерации, федеральных законах и в любых других нормативных правовых актах никак не поименован и не обозначен, но спрятан за эвфемизмом «рынок», не может больше обеспечить рост экономики или прогресс, но везде завел в тупики развития. Это проявляется в официальных показателях «роста экономики», которые представляются нам на уровне 1,5 %, что означает, что роста нет, а имеют место «неблагоприятные демографические тенденции» [6, с. 6], а также иные многочисленные и нерешаемые проблемы в самых разных сферах.

Почему нет роста при таком «прогрессивном» строе, как капитализм, с его свободами, рынком и прочими известными прелестями? Потому что при капитализме нет места простому человеку, суть капитализма за сотни лет не изменилась и состоит в извлечении прибыли, а человек в этой системе лишь механизм достижения этой цели. Национальная цель России войти к 2024 г. в число пяти крупнейших экономик мира, поставленная Председателем Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым [6, с. 27], даже при ее достижении не обеспечит должного благосостояния человека, потому что общий показатель роста экономики приведет, как это происходит всегда и во всем мире капитализма, к росту доходов капиталистов, но не работника, с которым капиталист доходами никогда не поделится. Именно здесь главное противоречие между наемным трудом (человеком) и капиталом, и никакие технологии с цифровой экономикой не могут это противоречие разрешить.

Для решения этой проблемы нужен переход к новой модели развития через левый проект (иначе говоря, просто возврат к ст. 7 Конституции – к идее социального государства), в котором будут озвучены наши ценности, новая идеология, великая цель, миссия, будущие свершения глобального плана, методы их достижения, субъект действия

(а это народ), какой интерес будет двигать каждым гражданином, наконец, кто мы (Россия) в этом мире и зачем. Сегодня на эти вопросы не отвечает ни Конституция Российской Федерации, ни федеральные законы, ни одна из 138 действующих федеральных стратегий. Но это ключевые вопросы нравственности и целеполагания. Нет цели – нет роста.

Технологии же всегда вторичны, производны. Они в новом проекте смогут сыграть свою большую роль и могут быть цифровые, сетевые, электронные, квантовые и какие угодно другие, но без обозначения конечной цели они не будут работать на человека и его благосостояние, потому что у людей нет интереса работать и далее на олигархов, которые богатеют при любых кризисах или росте, при любой экономике, как красиво или модно ее ни назови, а граждане только беднеют во всех странах мира, включая Россию.

Элементы такого нового социального проекта появляются во многих публикациях, их описал автор в доктрине национальной консолидации и другие исследователи в разных аспектах: А.В. Олескин (биологические и социальные системы) [7], С.И. Кретов (экономика будущего) [8], С.Д. Бодрунов [9] (новое индустриальное общество) и др.

1. Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных „виртуальных валют“ (криптовалют)» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

2. Письмо ФНС России от 22.11.2018 № БС-4-11/22635 «О налогообложении доходов физических лиц» (вместе с письмом Минфина России от 08.11.2018 № 03-04-07/80764) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

3. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок „виртуальных валют“, в частности биткойн» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

4. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ, 28 июля 2017 г., № 1632-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ, 9 мая 2017 г., № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

6. Медведев Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития [Электронный ресурс] // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28. URL: <http://www.vopreco.ru/rus/redaction.files/10-18.pdf> (дата обращения: 16.01.2019).

7. Олескин А.В. Сетевое общество. Необходимость и возможность стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия. М. : ЛЕНАНД, 2016. 200 с.

8. Кретов С.И. Шестая часть. Производные социально-экономические отношения политической экономики будущего: «Человек – Человек». Отношения собственности. М. : Добротворение, 2016. 232 с.

9. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : ИНИР им. С.Ю. Витте. 328 с.

УДК 340.12

В.С. Горбань, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук

ПРАВА ЛИЧНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТРАКТОВОК

Личность в области права мало изучена. Особенно непросто для научного освоения переход между человеческим, гражданским, личностным в области права. Нельзя, правда, сказать, чтобы этой теме не уделялось внимание вовсе. Напротив, очень многие исследователи обращались и обращаются к теме личности. Однако в действительности нередко речь идет лишь об отдельных оттенках или ракурсах восприятия антропологического начала в праве: то это человек, эволюционирующий в истории, то это носитель и обладатель статусов, например, как римский гражданин, то это человек религиозный или политический (Аристотель), то это человек свободный и равноправный (естественно-правовая доктрина), то это человек психологический (Э.Р. Бирлинг, Л.И. Петражицкий) и социологический (Р. Иеринг, К. Маркс, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, М. Вебер) и т. д. Вся история социогуманитарной мысли, в том числе юридической и политической, свидетельствует о том, что различные этапы истории и культуры систематически приводят к «открытию» нового типа личности. Литературный критик Н.Н. Страхов, анализируя роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», в частности тему художественного первооткрытия нигилизма, весьма проникательно писал: «Тургенев совершил решительное открытие: нарисовал тип, которого прежде почти никто не замечал и которого все ясно увидели вдруг вокруг себя» [1]. В своем знаменитом венском докладе «Борьба за право» Р. Иеринг сделал очень сходное открытие – открыл тип личности нравственной, социальной обязанностью которой является отстаивание своего права и его защита от посягательств со стороны произвола, возвысив тем самым субъективное право до атрибута достоинства личности [2]. В значительной степени этим объясняется всемирная популярность этого сочинения, переведенного еще при жизни автора более чем на 20 языков мира и выдержавшего несколько десятков переизданий.

Изменения и перемены, происходящие в современном обществе, подталкивают к неизбежному вопросу о том, что в парадигме современного мышления личность уже не та или не совсем та, какой она была в прежнем обществе. Если, скажем, в еще недавнем прошлом употреблялась формула «советский человек», то это задавало тон оп-